

ИДИОМАТИЧНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО СЛОЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА В МЕЖЪЯЗЫКОВОМ СОПОСТАВЛЕНИИ

LARISA P. TARNAEVA

IDIOMATIC CHARACTER OF PROFESSIONAL DISCOURSE VOCABULARY
IN CROSS-LINGUAL PERSPECTIVE

В статье рассматривается идиоматичность лексического слоя профессионального дискурса в межъязыковом сопоставлении. Выявлены основные типы идиоматичных речевых единиц профессионального дискурса и осуществлён анализ особенностей передачи их значения средствами другого языка.

Ключевые слова: идиоматичность; мотивированность; семантика; транспозиция; переосмысление.

The article focuses on the study of the idiomatic character of professional discourse vocabulary. The author identifies main types of idiomatic speech units of professional discourse and analyses the ways of their translation into some other language.

Keywords: idiomatic character; motivation; semantics; transposition; reinterpretation.

В современных условиях широкого международного обмена профессионально значимой информацией актуальным является всестороннее изучение профессионального дискурса, который характеризуется спецификой ценностных ориентиров, социокультурных установок, этикетных норм, межличностных отношений, поведенческих стереотипов, артефактов — всего того, что составляет основу деловой культуры и находит отражение в языковом поведении сторон профессионального взаимодействия. Одним из аспектов профессионального дискурса, не получивших на настоящий момент должного освещения, является идиоматичность его лексического слоя.

Идиоматичность языковых единиц на уровне словосочетания нашла широкое освещение в рамках отечественной и зарубежной фразеологии и продолжает быть предметом обсуждения в значительном числе публикаций. Наряду с этим нарастает тенденция рассмотрения феномена идиоматичности *в широком смысле как свойства, присущего единицам разных языковых уровней — словам, сочетаниям слов, предложениям.*

В отечественном языкознании понимание идиоматичности в широком смысле имеет давние традиции. Так, А. И. Смирницкий выделил идиоматичность в качестве одного из свойств, присущих слову как единице языка, определив данный феномен как невозможность вывести значение сложного слова из значений его частей [7]. Развивая данную концепцию, М. В. Панов убедительно доказывает, что слово как целое почти всегда значит больше, чем его части: между смыслом частей и смыслом целого получается «зазор, люфт, и это норма для слова» [5: 146–147]. В дальнейшем проблема семантических модификаций

Лариса Петровна Тарнаева

Доктор педагогических наук,
профессор кафедры иностранных
языков и лингводидактики

Санкт-Петербургский
государственный университет

Университетская наб., 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

► l-tarnaeva@mail.ru

Larisa P. Tarneeva

Saint Petersburg State University
7/9, Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034, Russia

в процессе словообразования нашла освещение в целом ряде работ отечественных исследователей (О. П. Ермакова [1], Е. С. Кубрякова [2], В. В. Лопатин [4], В. М. Савицкий [6] и др.) и по сей день продолжает вызывать значительный исследовательский интерес.

Традиционно возникновение идиоматичности трактуется как результат утраты регулярной мотивированности отношений между значением «составных образований и их формально вычленимыми единицами» [8: 136]. Мотивированность при этом понимается как объективное свойство отражать своей морфологической структурой структуру содержательную [2]. Степень идиоматичности находится в прямой корреляции с мотивированностью языковой единицы — чем менее прозрачна словообразовательная структура языковой единицы, тем более высока степень её идиоматичности [1].

Снижение степени мотивированности происходит за счёт семантической транспозиции — такого способа развития семантической структуры языковой единицы, при котором *номинальное значение* — то, что выводится из значения его морфемных компонентов в соответствии со стандартными правилами семантической комбинаторики, не совпадает с *реальным значением*, в котором данная единица употребляется в речи. При этом номинальное значение выступает в функции мотиватора реального значения [6]. В таких единицах происходит частичное или полное переосмысление номинального значения языковой единицы.

В настоящей работе подобные разноуровневые языковые образования, функционирующие в профессиональном дискурсе, обозначаются термином *идиоматичные речевые единицы*. В лексическом слое профессионального дискурса представлены идиоматичные речевые единицы как *раздельнооформленные* (фразеологический уровень), так и *цельнооформленные* (производные слова, образованные на основе словосложения и деривации). По характеру отношений между реальным и номинальным значениями выделяются идиоматичные речевые единицы с *полным и частичным переосмыслением при варьировании мотивированности в широком диапазоне*.

Примером цельнооформленной идиоматичной речевой единицы, образованной на основе полного переосмысления, может служить английский термин *cockpit / кабина (пилота, авиадиспетчера, водителя гоночного автомобиля), кубрик, рубка*. Реальное и номинальное значения термина не имеют участка пересечения (*cock / петух, самец птицы; pit / яма, углубление, впадина*) — происходит полное переосмысление исходных компонентов при максимальной потере мотивированности, в результате чего английский термин приобретает высокую степень идиоматичности. При сопоставлении данного термина с его соответствием в русском языке наблюдается явление межъязыковой идиоматичности, которая определяется в исследованиях как структурно-семантическое своеобразие языковой единицы по отношению к её аналогу в другом языке [Там же].

Подобный тип семантической транспозиции присущ значительному числу специальной лексики, образованной посредством как словосложения, так и деривации:

man-of-war / военный корабль; Springer (букв. прыгун — классификация НАТО) / ракетный комплекс Хризантема; *Doghhouse, Cathouse* (классификация НАТО) / российские станции дальнего обнаружения ПРО — Дунай-3, Дунай-3У и т. п.

В качестве примера семантической транспозиции с частичным переосмыслением при сохранении значительной степени мотивированности, может служить термин *хвостохранилище* (*гидротехническое сооружение для сброса так называемых хвостов, т. е. отходов, которые возникают, в частности, при обогащении рудных пород, при плавке металла и т. д.*). Особенность данного термина состоит в том, что в качестве первого компонента в нём используется метафорически переосмысленное слово общеупотребительной лексики *хвост* (*остаток какого-либо объекта или явления, след какого-либо действия*). Такого типа связь, при которой мотивирующей основой сложного образования является слово в переносном значении, получила название *метафорической мотивации* [4]. Второй компонент термина используется в значении, которое А. В. Кунин применительно к фразеологизмам определяет как

осложнённое значение [3]. Осложнённость в данном случае проявляется в том, что слово **хранилище** (место, где обычно хранится нечто ценное, например, музейное хранилище), сохраняя высокую степень семантической связи с мотивирующим словом (**хранить** — оберегать, защищать, беречь, держать в безопасности), тем не менее, под влиянием первого компонента (**хвосты** — отходы) приобретает различительный признак, соотносимый с характеристикой того, что является отработанным, бесполезным, непригодным или же вредным для окружающей среды.

При анализе параллельных текстов выясняется, что в английском языке существует несколько соответствий термину **хвостохранилище**: *tailing dump, tailing pit, tailings facilities, tailing pond, tailings impoundment*. Как видно из примеров, первый компонент термина остаётся неизменным (*tailing* — мотивирующее слово *tail / хвост*), варьируется второй элемент словосочетания (*dump/свалка; pit/яма, facilities/оборудование, приспособление; pond/пруд, водоём* т. д.). Анализ контекстных употреблений показал, что использование того или иного варианта зависит, в частности, от вида материала, подлежащего сбросу. Сказанное можно проиллюстрировать следующими фрагментами текстов (здесь и далее иллюстративный материал взят из он-лайн системы контекстуального поиска по переводам *Linguee*):

1) *Ponds are used to dispose process water or other solutions that are unsuitable for discharge... to tailings impoundment / Пруды используются для отвода технологической воды или других растворов, которые не подлежат сбросу... в хвостохранилища; 2) nickel-cobalt solution is separated from solid ferrous residual that goes to a tailings pit / происходит отделение никель-кобальтового раствора от твердого железистого остатка, который сбрасывают в хвостохранилище; 3) A tailing dump at the Balkhash concentrator underwent an overhaul / Был проведен капитальный ремонт на хвостохранилище Балхашской обогатительной фабрики.*

Следует отметить, что все варианты английского соответствия термина **хвостохранилище** также обладают идиоматичностью, имея такой же тип семантической структуры, что и русский термин.

В профессиональном дискурсе широко представлены идиоматичные речевые единицы, образо-

ванные посредством деривации. Среди них выделяются единицы как с полным, так и частичным переосмыслением. В качестве примера частичного переосмысления при значительной степени мотивированности можно привести астрономический термин **туманность** (космический объект, видимый как размытое пятно), образованный в результате терминологизации общеупотребительного слова со значением *скопление тумана — непрозрачное состояние воздуха в нижних слоях атмосферы вследствие скопления в нем водяных паров*. При терминологизации данное значение деактуализовалось и на передний план вышла причинно-следственная связь: *при подобном состоянии воздуха любой объект приобретает размытые, нечёткие очертания*. По сходству зрительного восприятия этот признак был перенесён на космический объект. Таким образом, термин приобрёл идиоматичность, сохраняя при этом высокую степень мотивированности.

Идиоматичность термина **туманность** со всей очевидностью проявляется при сопоставлении с аналогами в других языках. Например, в английском языке соответствием ему является термин **nebula**:

Эта планетарная туманность будет видна до тех пор, пока газ полностью не исчезнет в космосе в течение следующих 10000 лет или около этого / This planetary nebula will be visible until its gas dissipates into space over the next 10 000 years or so.

Слово **nebula** (индоевропейское по происхождению) вошло в английский язык как греческое заимствование через латынь (лат. **nebula** — облако) в семнадцатом веке и закрепилось в нём преимущественно как научный термин. Анализ двадцати словарей английского языка, как переводных, так и толковых, показал, что в большинстве из них значение *туман, дымка* в слове **nebula** не фиксируется, закреплено оно с пометкой как редкое или книжное лишь в трёх словарях. Британский Национальный корпус (он-лайн версия) предоставил 59 контекстов слова **nebula**, и во всех случаях оно используется как термин, обозначающий космический объект, например:

Leading away from the Belt is the Hunter's Sword, containing the Great Nebula / Дальше от Пояса Ориона находится Меч Охотника, в котором располагается Большая Туманность.

Термин латинского происхождения используется также в других языках германской и романской групп, например: *Nebel* (нем.); *nebula*, *nebulosa* (норв.), *nébuleuse* (фр.); *nebulosa* (исп., итал.). Однако в немецком и норвежском наряду с латинским заимствованием фигурируют термины или компоненты терминов германского происхождения: *Nebelfleck* (*Nebel* / туман, *fleck* / пятно; *Sternnebel* — *Stern* / звезда); *stjernetåke*, *stjernetåken* (*stjerne* / звёзда, *небесное тело*; *tåke* / туман). В датском языке обнаруживается термин только германского происхождения *stjernetåge*, т. е. *звёздный или небесный туман* (*stjerne* / звёзда, *небесное тело*; *tåge* / туман).

Родословная русского термина **туманность** связана с иранским по происхождению словом **туман**, которое вошло в русский язык как тюркское заимствование и закрепилось в составе общеупотребительной лексики, о чём свидетельствует широкая сфера употребления как самого слова, так и его производных. Анализ текстового материала из Национального корпуса русского языка показал, что в тридцати шести случаях из ста слово **туманность** было использовано вне терминологической сферы, причём в текстах разных жанров, например:

1) *Вдруг взгляд его утратил туманность, глаза стали яркими и острыми, длинное худое лицо преобразилось лукавой улыбкой;* 2) *Письма Тютчева сохранили для нас ту первичную туманность, тот душевный хаос, из которых возникали, как звезды, его стихи.*

Интересным представляется тот факт, что в славянских языках, в частности в польском, чешском, болгарском, «прародителем» астрономического термина послужило общеславянское слово, которое семантически родственно слову *туман*: *мьга* / *сырой и холодный снег, морозящий дождь*: *mglawica* (польск.), *мъглявина* (болг.), *mlhovina* (чешск.). В сербских источниках можно найти термин как латинского, так и славянского происхождения:

in srcu džinovske nebule / в сердце гигантской туманности; и *taglici Helaspont* / в туманности Геллеспонт.

Белорусский и украинский термины в структурно-семантическом плане родственны русскому: **туманнасць**, **туманність**:

Туманність Ориона перебуває на відстані приблизно 1500–1600 світлових років від Землі / Туманність Ориона знаходиться на відстані приблизно 1500–1600 світлових років від Землі.

Межъязыковое сопоставление данного астрономического термина свидетельствует о том, что терминообразованию, как и любой другой сфере познавательной деятельности человека, свойственна национально-культурная специфика — чем ближе языки по историко-культурным корням, тем больше общих черт в процессе терминообразования.

В профессиональном дискурсе функционирует значительное число идиоматичных речевых единиц на уровне фразеологизмов, среди которых наибольшей частотностью отмечены два типа:

- 1) ФЕ, в которых по меньшей мере один компонент представлен в своём номинативном значении, другой (или другие) в той или иной степени подвергся переосмыслению (*цветные революции* / *color revolutions*, *flower revolutions*; *greenfield investment* / *инвестиции «с нуля»*, *основание нового предприятия*; *parent company* / *материнская компания*);
- 2) ФЕ, образованные на основе полного переосмысления значения всех компонентов (*blue chip* / *голубая фишка* (*карточный термин*) — *крупное акционерное общество с большим количеством активов*; *wormhole* / *кратовая нора* — *гипотетическая труба пространства времени, соединяющая отдаленные области Вселенной*; *кошачий глаз* / *cat's eye* — *поделочный камень, разновидность кварца* и т. д.).

Примером ФЕ первого типа может служить термин **цветной металл**. Значение компонента **цветной** нельзя вывести, исходя из значений производящего слова *цвет* и суффикса *-н*, как это происходит, например, в словосочетании *цветной платок* (*платок, окрашенный в один или несколько цветов*), поскольку основополагающим критерием для объединения ряда металлов в одну группу является не цвет, а отсутствие в их составе железа, хотя многие из них имеют характерный окрас (медь, алюминий, золото, серебро и т. д.). При терминообразовании произошло метонимическое переосмысление — группа металлов обозначена на основе переноса свойств отдельных металлов на всю группу.

При сопоставлении русского термина **цветной металл** с его соответствиями в других языках проявляется межъязыковая идиоматичность. К примеру, английский термин полностью мотивирован и образован на основе непереосмысленной номинации:

Основные статьи импорта — продукция машиностроения, черные и цветные металлы, продукция нефтехимического комплекса.../ Major import items are machinery, ferrous and non-ferrous metals, petrochemicals...

Подобный способ номинации прослеживается также в немецком и французском соответствиях данного термина: *métaux non-ferreux*, *Nichteisenmetalle* (букв. *нежелезные металлы*). Стоит отметить, что в немецком языке наряду с неидиоматичным термином существуют его идиоматичные синонимы: *farbige Metalle / цветные металлы* и *Buntmetalle / пёстрые металлы*.

Значительное число ФЕ, образованных на основе полного переосмысления, относится к профессионализмам и профессиональному жаргону, вследствие чего они чаще встречаются в текстах публицистического стиля и в устной речи специалистов. При передаче значения таких единиц на другой язык часто наблюдается наличие нескольких соответствий одной и той же единицы, что можно проиллюстрировать, в частности, переводом термина **blue-chip**:

1) *RBC has its own stock index, which tracks a portfolio of large Russian blue-chip companies / РБК имеет собственный индекс акций, который отслеживает динамику портфеля российских голубых фишек*; 2) *The competitions are entered by everyone from school children to engineers at blue-chip companies / на соревнования допускаются все — от школьников до инженеров ведущих компаний*; 3) *IFC and EBRD do not provide significant amounts of funds to blue-chip borrowers / МФК и ЕБРР не предоставляют значительных финансовых ресурсов компаниям первого эшелона*.

Как видно из примеров, в первом случае происходит заимствование идиоматичной единицы приёмом калькирования, во втором и третьем — используются идиоматичные аналоги на русском языке.

Осуществлённое в настоящей работе межъязыковое сопоставление идиоматичных речевых единиц профессионального дискурса свидетель-

ствует о том, что в разных лингвокультурах способы выстраивания отношений между номинальным и реальным значениями в процессе номинативной деятельности в одних случаях аналогичны или соотносимы, в других — не совпадают, отражая не только специфичность структурно-семантического строения одного языка по отношению к другому, но и особенности познавательной деятельности людей, принадлежащих к разным лингвокультурам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермакова О. П. Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур // Современный русский язык. Хрестоматия: В 3 ч. Ч. 2. Минск, 2005. С. 12–16.
2. Кубрякова Е. С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 81–155.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1996.
4. Лопатин В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Современный русский язык. Хрестоматия: В 3 ч. Ч. 2. Минск, 2005. С. 16–20.
5. Панов М. В. О слове как единице языка // Ученые записки МГПИ В. И. Ленина. Т. 51. Вып. 5. М., 1956. С. 129–165.
6. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. М., 2006.
7. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // Труды Ин-та языкознания АН СССР. Т. 4. М., 1954. С. 3–9.
8. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1997.

REFERENCES

1. Ermakova O. P. (2005) Frazеologichnost' semantiki proizvodnykh slov razlichnykh slovoobrazovatel'nykh struktur [Idiomatichity of words of different word-formation structures]. In: *Sovremennyy russkiy iazyk. Khrestomatiya [Contemporary Russian language. Chrestomathy]*, in 3 vols., vol. 2. Minsk, pp. 12–16. (in Russian)
2. Kubriakova E. S. (1980) Semantika proizvodnogo slova [Semantics of derived and compound words]. In: *Aspekty semanticheskikh issledovaniy [Aspects of Semantic Research]*. Moscow, pp. 81–155. (in Russian)
3. Kulin A. V. (1996) *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo iazyka. [Fraseology of Contemporary English Language]*. Moscow. (in Russian)
4. Lopatin V. V. (2005) Metaforicheskaya motivatsiya v russkom slovoobrazovanii [Metaphoric Motivation in Russian Word-formation]. In: *Sovremennyy russkiy iazyk. Khrestomatiya [Contemporary Russian Language. Chrestomathy]*, in 3 vols., vol. 2. Minsk, pp. 16–20. (in Russian)
5. Panov M. V. (1956) O slove kak edinitse iazyka [About a word as a language unit]. In: *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta [Research Notes of Moscow State Pedagogical Institute]*, vol. 51, iss. 5. Moscow, pp. 129–165. (in Russian)
6. Savitskiy V. M. (2006) *Osnovy obshchei teorii idiomatiki [Basis of General Theory of Idioms]*. Moscow. (in Russian)
7. Smirnitckii A. I. (1954) K voprosu o slove (problema «tozhdestva slova») [To the Issue of a Word (The problem of Word Identity)]. *Trudy Instituta iazykoznaniiya Akademii Nauk SSSR [Proceedings of the Linguistics Institute of the Academy of Sciences]*, vol. 4. Moscow, pp. 4–9. (in Russian)
8. Karaulov Iu. N., ed. (1997) *Russkii iazyk. Entsiklopediya [The Russian Language. Encyclopedia]*. Edited by Iu. N. Karaulov]. Moscow. (in Russian)